

СТЮАРТ ХЕМПШИР

Справедливость — это конфликт: душа и государство¹

Название этой статьи восходит ко временам Гераклита, хотя и в «Государстве» (439e) Платон заставляет Сократа поведать такую историю:

Мне как-то рассказывали, и я верю этому, что Леонтий, сын Аглайона, возвращаясь из Пирея, по дороге, снаружи под северной стеной, заметил, что там у палача валяются трупы. Ему и посмотреть хотелось, и вместе с тем было противно, и он отворачивался. Но сколько он ни боролся и ни закрывался, вождение оказалось сильнее — он подбежал к трупам, широко раскрыв глаза и восклицая: «Вот вам, злополучные, насыщайтесь этим прекрасным зрелищем!»

Это знакомая история конфликта и двойственности в душе человека. Конфликт и его урегулирование — основной предмет этой лекции. В «Государстве» Платон утверждал, что существует четкая аналогия между конфликтом и справедливостью в расколотых душах людей и конфликтом и справедливостью в классово расколотом государстве. В обоих случаях справедливость состоит в гармонии частей или элементов — гармонии, установленной разумом. Я утверждаю, что Платон прав, говоря о существовании аналогии между душой и государством, и прав в том, что понятие справедливости лучше всего можно объяснить с помощью этой аналогии; но я покажу, что справедливость не может состоять в некой гармонии или согласии в душе или в государстве, потому что такая гармония невозможна ни в душе, ни в государстве. Чтобы убедить вас в этом, мне сначала придется убедить вас помыслить о разуме и рациональности иначе, чем Платон, а за-

¹ Stuart Hampshire. *Justice is Conflict* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000), p. 1–48.

тем убедить вас провести различие между справедливостью и честностью в вопросах сути и справедливостью и честностью в вопросах процедуры.

Я попытаюсь убедить вас в том, что справедливость в процедурах для разрешения конфликтов является основным видом честности и что она признается ценностью в большинстве культур, мест и эпох: честность в процедуре — это неизменная ценность, константа человеческой природы. Справедливость и честность в вопросах, касающихся сути дела, вроде распределения благ или несения наказания за преступления, всегда будут меняться со сменой моральных мировоззрений и представлений о благе. Поскольку конфликты между представлениями о благе — то есть нравственные конфликты — всегда будут существовать и в душе, и в государстве, имеется явная потребность в процедурах разрешения конфликтов, способных заменить грубую силу, господство и тиранию. Это место общей рациональности метода, который соединяет расколотое «я» и расколотое государство. Рациональность и сущностная справедливость состоят не в согласии и гармонии веры в душу и государство, избавленных от всяких конфликтов, какой была платоновская картина души и государства. С противоположной точки зрения, точки зрения гераклитовской картины, каждая душа — это неизменно сцена конфликтующих тенденций и расколотых целей и двойственности, и соответственно наша политическая вражда в государстве никогда не завершится, пока у нас будет разное воображение и сохранятся разные жизненные истории.

Платон и Аристотель имели свои мотивы, политические и философские, для того, чтобы выделять различные части души на разных уровнях, иерархии высокого и низкого. Они имели свои мотивы для выделения способности к рассуждению как основной (Аристотель, Никомахова этика II69a 2), главнейшей части в душе. Аристотель прямо проводит связь с политикой: «И как государство и всякое другое образование — это прежде всего его главнейшая часть, так и человек». Для раскрытия своей личности и достижения душевного спокойствия нужно сделать так, чтобы главнейшая часть в душе действительно правила. Если мы пойдем против природы в этом вопросе внутреннего правления, мы от этого пострадаем. У нас нет выбора, если мы хотим прожить успешную жизнь. В общественных, внешних вопросах существует выбор — политический выбор, — и этот выбор должен совершаться по аналогии с естественным порядком, установленным в душе. По аналогии государство можно назвать счастливым или несчастным в соответствии с верно или неверно сделанным политическим выбором, возникновением гармоничной или негармоничной социальной структуры.

Я призываю, вопреки этой традиции, начать с другого конца аналогии и пойти в противоположном направлении: начать с естественных

и всеобщих общественных процедур и институтов, которые встречаются во всех или почти во всех городах или государствах. Затем объяснить процессы, приписанные расколотой душе человека, как основанные на аналогии с естественными процедурами в городе или государстве. Эти процедуры, необходимые для всякого действующего социального порядка, следует считать первичными. Ментальные процессы в умах людей следует считать тенями или публично признаваемыми процедурами, которые распространены в различных культурах. Здесь полезно вспомнить обыденный язык. Слова, обычно используемые для определения ментальных процессов — «взвешивать», «оценивать», «признавать», «рассматривать», «расследовать» и многие другие, имеют как публичное, так и внутреннее ментальное употребление. Внутреннее ментальное использование лучше всего можно объяснить через обращение к наблюдаемым публичным действиям. Отношения между публичными действиями взвешивания и вынесения суждения открыты для всеобщего обозрения, а их тени, соответствующие частные ментальные действия, предположительно дублируют эти отношения.

Почти все организованные общества нуждаются в институтах и процедурах для вынесения суждения между конфликтующими моральными притязаниями, выдвигаемыми людьми и группами в обществе. Обычно к ним относятся притязания на собственность и статус, но также конфликты моральных идеалов и прочных убеждений, которые требуют того, чтобы их услышали и вынесли суждение относительно них, особенно в обществах, которые не однородны в религиозном, расовом и культурном отношении.

Кроме того, в любом обществе или государстве должен существовать совет или кабинет, даже если это всего лишь совет, состоящий из советников монарха, которые обсуждают различные варианты политики — варианты, между которыми нужно сделать выбор. Типичный политический пример — выбор между войной и миром после обсуждения, как в «Илиаде» у Гомера.

Также государства и общества обычно сталкиваются с бедствиями, но все же выживают: например, поражениями в войне, неурожаями, эпидемиями, бунтами и гражданскими волнениями. И здесь не обойтись без некой следственной комиссии или комиссии для рассмотрения соперничающих причинных объяснений и обоснованного вменения ответственности.

Таков краткий перечень необходимых процедур и институтов, которые предполагают честное взвешивание и уравнивание противоположных доводов, касающихся неизбежных и спорных проблем. Все они следуют одному предписанию *audi alteram partem* («выслушай другую сторону»). Герберт Харт обратил мое внимание на важность этой фразы, определяющей возможность оспаривания справедливости, которая считается данной. В каждом случае честность публичной

процедуры должна основываться на следовании этому самому общему предписанию.

Обсуждение внутри индивидуального сознания, как и следовало ожидать, дублирует по форме и структуре публичное и состязательное обсуждение. «Как и следовало», потому что адвокаты, судьи и дипломаты репетируют то, что они собираются сказать, перед своим выходом на публичную сцену. У всякого, кто участвует в дискуссиях кабинета министров, в судебных слушаниях, дипломатических переговорах, в привычку входит готовиться к возражениям оппонентов. Он привыкает смотреть на ситуацию с точки зрения соперника. Публичные обстоятельства, упомянутые мною, инициируют соответствующие ментальные процессы, которые строятся по образцу публичных процедур, подобно тому, как движение теней на потолке строится по образцу исходного физического движения на полу. Моральные конфликты — это часть опыта каждой личности. В случае неизбежно возникающих конфликтов принципов сначала приводятся доводы соперничающих сторон, а затем проводится своеобразное внутреннее слушание и выносится судебное решение.

В частном обсуждении принцип выслушивания конкурирующих доводов обеих сторон навязывается человеком самому себе в качестве принципа рациональности. «Выслушивание» становится здесь метафорой. Большинство глаголов, описывающих мышление, как раз и являются такими метафорами: рассматривать, взвешивать, изучать свидетельства и многие другие. Само понятие процедуры, которому я слеую в своем сознании, является в каком-то смысле метафорическим. «Была ли соблюдена надлежащая процедура перед принятием решения?» — это буквальный вопрос, требующий прямого эмпирического ответа, когда он обращен к заседанию комитета. «Была соблюдена надлежащая процедура, когда ты размышлял об этом, рассматривая доводы обеих сторон, перед принятием своего решения?», обращенное к человеку, является менее прямым и менее определенным вопросом. При ответе на него не следует ожидать составления соответствующего протокола и какого-то наблюдаемого подтверждения того, что процедура была соблюдена. Но идея того, что человек был беспристрастен, открыт и рационален в своих размышлениях, важна для нас, потому что мы знаем, что процедура публичного обсуждения должна быть беспристрастной, открытой и рациональной. Я представляю себя рассматривающим два или более спорных дела, и я слежу за ними, позволяя выслушать доводы обеих сторон; после этого — и только после этого — я должен сделать вывод. В этом состоит процесс рефлексии. Можно утверждать, что, независимо от вопроса, это *audi alteram partem* как раз и составляет мышление в узком картезианском методологическом смысле, отождествляющем мышление с использованием разума, в противоположность употреблению воображения. С литературным мастерством и драматизмом Декарт представил парадигму

мышления в виде процесса, разворачивающегося в сознании уединенного мыслителя, как творца собственной реальности, сидящего перед камином в надежде воссоздать для себя целый мир.

Я утверждаю, что картезианскую парадигму необходимо перевернуть и что парадигматическим случаем мысли служат не уединенные размышления у камина, а публичное приведение доводов за и против определенного, публично сделанного заявления: гипотеза заключается в том, что мы учимся переносить путем своеобразной мимикрии сопернический образец публичной и межличностной жизни на тихую сцену, именуемую сознанием. Диалоги переносятся внутрь, но они не утрачивают следы своего происхождения в межличностном споре. Рассмотренное с такой точки зрения сознание представляет собой невидимый и воображаемый форум, на который мы учимся проецировать видимые и слышимые социальные процессы, с которыми мы впервые сталкиваемся в детстве: практики утверждения, возражения, решения, предсказания, напоминания, одобрения и неодобрения, восхищения, обвинения, отвержения и принятия и многих других. Ребенок наблюдает семейные сцены, конфликты, в которых взрослые вокруг него спорят и решают, делают заявления и возражают друг другу, и вскоре он уже не испытывает никаких трудностей в уединенной имитации этих конфликтов. Каждый человек сталкивается с различными видами диалога как регулярными формами поведения и быстро распознает тонкие — и не очень — различия между типами публичного диалога, имеющими место в типичных социальных ситуациях.

Рациональность, состязательное мышление, публичное и частное, контрастирует с образным мышлением. Очевидно, что существует множество ситуаций, требующих тщательного осмысления, в которых аргументы соперников не играют большой роли. Художник, музыкант или поэт, возможно, не взвешивают противоположные доводы при принятии решения о том, как будет происходить создание произведения. Оказавшись на природе и считая ее красивой, никто обычно не собирается затевать спор о ее красоте. Справедливость и честность в вынесении такого суждения или в его упорном обосновании не будет иметь никакого значения, даже если найдется тот, кто не согласится и сочтет пейзаж унылым. Приемлемость эстетического высказывания не зависит от какой-либо аргументационной процедуры, связанной с утверждением, и обычно не требует обсуждения или вынесения третейского суждения.

Сравним институты, которые наполняли смыслом традиционное понятие разума и интеллекта, в противоположность воображению: это, прежде всего, теоретические исследования, математические и логические работы; естественные науки; и, наконец, практические исследования, право и развитие правовых систем. Платоновское ранжирование дисциплин делает математическое доказательство парадигмой рассуждения и рациональности. Это платоновское понятие

разума не является единственно возможным, и в некоторых случаях такое понимание природы справедливости и морали серьезно вводит в заблуждение.

Что если его перевернуть? Что можно приобрести от представления рациональности, которая имеет свои истоки в сопернических рассуждениях, характерных для правовых и моральных споров, а также споров по поводу свидетельств, а не в формальной дедукции и доказательствах, которые характерны для логики и математики? Во-первых, главное преимущество состоит в том, что можно дать объяснение естественного развития общей нормы рациональности из потребностей социальной жизни; то есть из текущих конфликтов, которые должны быть разрешены, чтобы сохранить общество. С другой стороны, понятие чистого разума, вечной и руководящей части души, представляет собой теорию, не имеющую объяснительной ценности. Во-вторых, если парадигма рациональности считается выводимой дедуктивно, то норма рациональности, применяемая к разумному и историческому суждению и к правовому и моральному рассуждению, в таком случае, будет казаться крайне бессвязной, как всегда утверждали скептики. В этом случае кажется, что не существует никакой связи между формой рассуждения, которая касается необходимых истин математики, и формами рассуждения, которые относятся к моральным, юридическим суждениям или же суждениям о частной или общественной целесообразности. Связующим звеном здесь служат знакомые понятия рациональности и рассуждения.

Исторически понятие справедливости всегда было связано с понятиями рациональности и обоснованности. Многие философы и теологи в традиции естественного права приписывали воображаемой способности чистого разума способность отличать отношения, которые по своей сути справедливы и разумны и согласуются с принципами беспристрастности, от тех, которые таковыми не являются. В соответствии с этой традицией естественного права, разум признает, что связь между справедливостью и защитой собственности является необходимой, подобно связи между плоской фигурой с тремя сторонами и плоской фигурой с тремя углами. Тем не менее теоретики естественного права всегда слышали ухмылки скептиков, утверждавших, что никогда не существовало общества, в котором эти воображаемые универсальные связи не основывались бы на разуме отдельных людей и в котором права собственности были бы необходимыми и универсальными, а не случайными и зависимыми от определенных социальных условий и местных обстоятельств.

Из этого давнего и продолжающегося по сей день философского конфликта можно с уверенностью сделать только один вывод: бесполезно и тщетно вести дискуссию в психологических терминах, то есть в терминах частей души или способностей разума — бесполезно потому, что это никогда не приводит ни к какому результату. Каждая сто-

рона в споре изобретает философию сознания, деление частей души, призванное подкрепить ее тезис о справедливости, и потому спор продолжает развиваться по спирали. Если вывести спор из туманной ментальной области в открытый мир институтов и практик, которые изучаются историками и антропологами, определенный ответ или, по крайней мере, прояснение спора становятся возможными. Мы можем начать с рассмотрения того, почему абсолютная концепция справедливости часто казалась необходимой и почему релятивистская концепция справедливости часто казалась неизбежной. Особые институты, каждый из которых имеет свои процедуры для разрешения споров между соперничающими концепциями того, что является справедливым и честным, приходят и уходят. Только одна самая общая черта процессов решения сохраняется в качестве необходимого условия, которое позволяет установить справедливость и честность процесса, а именно — противоположные заявления, которые нам приходится слышать. Несправедливая процедура, нарушающая это необходимое условие процедурной справедливости, несправедлива везде и всегда, независимо от всякой отдельной концепции блага.

Во всякой спорной процедуре обычно участвует человек, который с начала своей взрослой жизни оказывается связанным с этнической, социальной, религиозной или моральной группой, возможно, местностью, или в этой процедуре участвует группа, которая соперничает с другими группами за определенное господство в данном обществе. Вынужденные конкурировать с другими, личность или группа могут достичь своей цели двумя способами: при помощи прямого господства, связанного с применением силы или угрозой ее применения, или же при помощи процедуры спора в рамках определенного института (парламента, суда, собрания), который имеет свои собственные признанные правила процедуры. Существование такого института для состязательного спора — другое необходимое условие справедливой процедуры.

Существование такого института и особенности его правил и конвенций процедуры — вопрос исторической случайности. Нет никакой рациональной необходимости в более специфических правилах и конвенциях, определяющих критерии успеха в споре во всяком особом институте, кроме важнейшей необходимости, чтобы каждая из сторон конфликта была выслушана и могла изложить свое видение ситуации.

На менее созерцательном уровне и без любезностей спора проведение дуэли для разрешения ссоры может быть честным в силу ее процедур, тогда как нападение исподтишка или простая драка не претендуют на честность. Нет никакой предписанной процедуры. Идея равных возможностей для обеих сторон, то есть идея процедурной справедливости, определяет ритуалы традиционной дуэли на шпагах или пистолетах и многие другие виды традиционных состязаний и испытаний.

Ни одна из сторон не должна обладать в поединке нечестным преимуществом, и единственным неравенством может быть только неравенство темпераментов и умений людей, участвующих в этом поединке. Дуэль явно представляет лишь частичную аналогию с соперником, выступающим в суде или парламенте, но это очень яркий пример института для разрешения конфликтов, работа которого определяется традиционными правилами и ритуалами, а также идеалом честности в процедуре. Быть убитым на дуэли, как Пушкин и Лассаль, совсем другое дело — и это всегда ощущалось, — чем быть убитым во время ссоры в кабаке, как Кристофер Марлоу.

В мышлении отдельного индивида рациональность лучше всего описывать как двустороннюю рефлекссию. Когда свидетельствами, требующими рассмотрения и оценки, объектами рефлексии служат сами противоречивые желания и чувства субъекта, от него не ждут вынесения окончательного суждения в соответствии с некой чистой и установленной процедурой. Наши желания, чувства и намерения обычно непостоянны и спутаны, они пронизаны двусмысленностями и противоречиями, прекрасной иллюстрацией которых служит история Леонтия.

Мы ничего не знаем о разуме как способности, кроме того, что в него вложили философы, теологи и другие. Части души, в отличие от рук и ног, являются философским изобретением. Вот некоторые типичные виды деятельности, которые могут быть отнесены к состязательному спору: взвешивание за и против гипотезы в социальных науках; взвешивание свидетельств в историческом исследовании, уголовном расследовании или гражданской тяжбе; и целая сфера публичной расчетливости и формирования политики. В каждом из этих видов деятельности требуются различные навыки, но они могут группироваться как рассуждение в условиях неопределенности. Рассмотрим еще один перечень естественной и мыслительной человеческой деятельности, которая встречается во всех обществах в том или ином виде: это деятельность воображения — рассказывание историй, поэзия, музыка, драма, визуальное искусство, публичные церемонии, описание идеальных обществ, людей и образов жизни и моральное воображение. Эти виды деятельности, как мы ожидаем, должны заметно варьироваться по форме и содержанию в различных местах и в различных социальных группах в разное время в истории и различных культурах. Мы не только ожидаем разнообразия, мы даже его требуем. Их многообразие, как и многообразие естественных языков, помогает установить идентичность отдельных народов и культур.

Первый вид деятельности незаслуженно ценится больше в силу того, что он отличает людей от животных. Но людей от животных отличают оба вида деятельности. Разница в другом. Деятельность разума в первом перечне объединяет людей в общих и одинаковых устремлениях и процедурах. В этом случае мысль сближает. Второй перечень

состоит из видов деятельности, которые обычно разделяют людей на различные группы, обладающие своими языками, обычаями, ритуалами, искусствами и моральными идеями. В этом случае мысль разделяет и обособляет. Деятельность, входящая в первый перечень, не меняет своей формы, поскольку она не зависит от границ. Еще большее сближение имеет место в рассуждениях в логике и математике, которые пренебрегают любыми границами. Но в том, что касается обычаев общества, моральных идеалов, ритуалов, религиозного служения, праздников, музыки, поэзии и изобразительного искусства, мы не ждем универсальных критериев оценки; скорее, они помогают выделять различные образы жизни. Они также делят людей в зависимости от характера и вкусов: яванскую музыку можно слушать и в Германии, но никто не ждет, что яванская музыка будет обладать качествами немецкой музыки. Бетховена любят в Китае, но его способы композиции и его стиль не имеют ничего общего с китайской музыкой; здесь не следует ожидать или желать никакого сближения. В одном и том же обществе существуют совершенно различные вкусы.

Конфликт — в обществе и в душе — был страшным злом для Платона и Аристотеля. Из стратификации классов в государстве, каждый из которых играл свою роль, должна была возникнуть удовлетворительная гармония, и гармония эта составляла социальную справедливость. Точно так же обстояло с управлением индивидуальной душой. Индивидам удастся избежать болезненного внутреннего конфликта, если их личные идеи, желания, эмоции и привычки будут управляться определенным знанием незыблемых норм и принципов. Эта картина возможной гармонии под управлением разума была унаследована христианством и сохранилась в философии Просвещения; она содержится и в современном либерализме. Независимо от случайных различий между нами, обусловленных нашими разными личными историями, нашими воспоминаниями и воображением, король в своем замке и крестьянин в своей лачуге едины в своей человеческой природе благодаря господству рациональных моральных принципов, которые могут неявно признаваться ими обоими.

Джон Ролз смог вдохнуть новую жизнь в политическую философию, отступив от этого традиционного поиска гармонии. В «Теории справедливости» он заявил, что рационально избранные принципы справедливости должны быть независимыми от концепций блага. Но он также признал, что его принципы неизбежно будут рационально избраны жителями либерально-демократических обществ, в которых возможно существование пересекающегося политического консенсуса в отношении принципов сущностной справедливости. И вновь здесь всплывает гармония, но гармония в либеральном загоне. Те, чья концепция добра и зла основывается на сверхъестественной силе, которая считает любое другое моральное представление злом, не признают, к примеру, главенства свободы. Во всяком дей-

ствительно либеральном обществе следует ожидать существования таких нелиберальных людей. Из-за такого ограничения разумно приемлемых принципов справедливости либеральными и демократическими обществами незамеченной остается главная политическая проблема нашего времени, а именно — отношения между двумя видами обществ: с одной стороны, сознательно традиционными обществами и правительствами, в которых священники, раввины, имамы, муллы и другие знатоки воли Бога придерживаются одной концепции блага, определяющей образ жизни общества в целом; и, с другой стороны, либерально-демократическими обществами и правительствами, которые допускают и поощряют существование множества концепций блага. Серьезность этого противостояния в течение долгого времени смягчалась верой в позитивистскую теорию модернизации. Позитивисты считали, что потребность в рациональных, научных и экспериментальных формах мысли, которые предполагает современная индустриальная экономика, приведет все общества на земле к постепенному отказу от традиционных привязанностей к сверхъестественным силам. Эта старая вера, получившая распространение в XIX веке, состояла в том, что со временем должно было произойти сближение в либеральных ценностях, «наших ценностях».

Теперь мы знаем, что в этом нет ничего «необходимого» и что все такие общие теории обладают прогностической ценностью, близкой к нулю. Это просто диахронические версии платоновской и марксистской веры в окончательную рациональную гармонию. Многие концепции блага и многие образы жизни, типичные для торговых, либеральных, индустриализованных обществ не только могут, но и, скорее всего, будут на самом деле казаться во многом неприемлемыми многочисленным меньшинствам в этих обществах и полностью неприемлемыми большинству жителей традиционных обществ в других странах. Как либерал, я полагаю, что многие в моей стране и за рубежом просто сочтут меня поверхностным. Нужно понимать, что твой образ жизни и привычки речи и мысли не только могут казаться неверными многим людям, но и вызывать недовольство, как могут вызывать недовольство чужие привычки в еде или же сексуальные обычаи.

Либералы, вроде профессора Ролза и меня, считают, что не следует придавать большого морального значения случайности нашего места рождения и нашего наследия. Наши моральные противники, которых либералы иногда называют фанатиками, видят судьбу, намерение или замысел в своем наследии и выводят из своего происхождения весьма специфическую миссию, определенный набор обязательств и ясный план своей жизни. Возможно, это самое фундаментальное из всех противостояний в политике вызвано противоположным отношением ко времени, историческому времени. Когда католик пишет на стенах в Белфасте знаменитый лозунг «Помни 1689 год», призывающий вспомнить «Акт о веротерпимости (для протестантов)» Вильгельм-

ма III, нет никакого смысла в ответных призывах: «Будьте справедливыми и разумными: забудьте несправедливость в прошлом, какой вы ее видите, потому что прошлое невозможно исправить; справедливее и разумнее начать сначала и попытаться построить мирное общество будущего». Ведь в ответ скажут: «Вы призываете нас забыть о том, кто мы такие. Как и все остальные, мы отличаемся тем, что мы не приемлем. Мы перестанем существовать как общество, если будем думать только о будущем и о том, что вы называете разумностью. Это приведет к распаду, утрате цельности как отдельных людей, так и общества в целом». Самоопределение через противопоставление представляет собой моральный эквивалент старого логического принципа *“Omnis determinatio est negatio”*.

Процедуры разрешения конфликтов во всех государствах всегда критикуются и изменяются и никогда не бывают идеально честными и беспристрастными. Но если они существуют уже на протяжении долгого времени, они приемлемы по причинам, которые Юм изложил в своей статье «Идеальное содружество». Институты и их ритуалы скрепляют общество, поскольку они успешны и хорошо работают в разрешении моральных и политических конфликтов в соответствии с особыми местными и национальными конвенциями: «Эта наша особая форма правления, и мы держимся ее».

Справедливость и честность содержатся в процедурах: в дуэлях, спортивных состязаниях, играх, судах, парламентах, во всех спорах и антагонистических процессах, в которых одна сторона побеждает, а другая проигрывает — честно или нечестно. Так и развивается политическая и социальная жизнь — путем управляемых и признанных конфликтов, иногда безболезненных, а иногда болезненных, причем весьма.

Оглядываясь в прошлое, мы можем критиковать с моральной точки зрения исторические институты, вроде рабства на Юге США, подчинения женщин в викторианской Англии и кастовой системы в Индии, как сущностно несправедливые, излагая и отстаивая либеральную концепцию сущностной справедливости, которая постепенно сложилась в Европе и Америке в результате прошлых конфликтов. Мы также можем критиковать распределение богатства и дохода в Америке или Великобритании сегодня как крайне и сущностно несправедливое также в свете особой концепции распределительной справедливости, которая входит в состав общего морального мировоззрения и особой концепции блага. В этом случае мы будем ожидать противодействия со стороны консерваторов, имеющих иную концепцию блага, которую они могут отстаивать и в которой особое внимание уделяется правам собственности и независимости индивидов.

Проблема распределительной справедливости до сих пор остается абстрактной, теоретической и неопределенной. Но при действительном политическом столкновении с экономическими консервато-

рами, с одной стороны, и экономическими реформаторами (то есть либералами) — с другой, последующий спор предполагает существование некоторых институтов и обычаев, преобладающих в данное время и данном месте. Участники конфликта не рассматривают абстрактный вопрос о том, можно или нет считать действительное распределение богатства справедливым или несправедливым, независимо от институтов, существующих в определенном пространстве и времени, и исходя из идеальных, если не сказать воображаемых, представлений о социальном мире. Я полагаю, что каждый участник спора доказывает свою правоту в реальном мире необходимой политики, следуя привычным и установленным процедурам публичного спора и принятия решений, которые используются в данном обществе в таких случаях. Не следует забывать, что конкретные формы споров и переговоров, а также арены, на которых должны разворачиваться конфликты, сами нередко бывают предметом спора, как и соответствующие сущностные концепции справедливости. Подобно субстанциальным концепциям справедливости, средства ведения споров меняются в ходе постоянных политических конфликтов. Вопросы второго порядка и процедурные вопросы неизбежно становятся предметом политических конфликтов и переговоров. Рамки такого политического спора, если в нем используются доводы справедливости и честности, по-прежнему остаются общим принципом соперничества.

Независимо от моральных взглядов человека и концепции блага, а также его представлений о проблемах сущностной справедливости, он знает, что ему придется сталкиваться с другими людьми, которые придерживаются иных взглядов. Если он не отшельник, то будет вынужден соблюдать почти общераспространенные привычки аргументационного поведения. В детстве он учится участвовать со своими ровесниками в институционализированных играх и состязаниях, усваивая по ходу исторически случайные правила, которыми определялись эти игры. Становясь старше, он приходит к пониманию того, что если бы он родился в другом месте и в другом столетии, то участвовал бы в других институтах и других состязаниях. Но природа участия и внутренняя готовность к нему осталась бы неизменной.

Вследствие этой изменчивости между необходимостью и случайностью философская теория всегда оставалась неопределенной и колебалась между этическим релятивизмом, с одной стороны, и этическим абсолютизмом — с другой. В эпохи и в странах, в которых существовало рабство, имелись правила и соглашения, определявшие справедливое и честное обращение с рабами. В некоторых странах и в некоторые эпохи существовали те, кто считал эти правила и конвенции совершенно неуместными, с точки зрения сущностно справедливого отношения к людям, и кто пришел, в конце концов, к осуждению института рабства как несправедливого по своей сути. Точно так же из своего детства, которое пришлось на 1920-ые годы, я помню, что слу-

ги в Англии нередко оставались тогда беззащитными, если после ссоры их наниматели отказывались давать им рекомендации. Они были обречены на безработицу. Большинство людей теперь, вероятно, сочло бы такую зависимость и беззащитность крайне несправедливой, но тогда это было распространенной практикой, которую никто не считал несправедливой.

В мои времена классовый конфликт, вызванный сознательным рабочим движением, привел к появлению новых идей сущностной справедливости. Одаренные и радикальные критики устоявшихся концепций сущностной справедливости постоянно расширяют дебаты и находят примеры несправедливости, которые прежде просто не замечались. Так было в прошлом с критикой нерегулируемого труда на фабриках, неравенством между полами, ограничением права голоса, неравным доступом к здравоохранению, образованию и правовой поддержке. Моральное воображение порождает новые конфликты с новыми концепциями блага, когда оно сочетается с определенным социальным недовольством, которое можно канализировать.

Все современные общества в той или иной степени морально неоднородны; в них присутствуют соперничающие концепции справедливости, консервативные и радикальные, между которыми возникает открытый конфликт, требующий разрешения. В крайнем случае конфликты разрушают все процедурные ограничения и выливаются в насилие. Ни в одном государстве невозможно достижение идеальной честности в представлении противоречивых моральных взглядов. Самое большее, на что можно рассчитывать, — это непрестанное приближение к современным идеалам честности в разрешении конфликтов и новым институтам, призванным исправлять наиболее очевидное неравенство. Процедурная справедливость по сути своей несовершенна и неидеальна, так как представляет собой следствие прошлых политических компромиссов. Из честного политического соперничества нередко возникает то, что сторонники определенной формы сущностной справедливости обычно называют «жалким компромиссом».

Для индивида, как и для общества, компромисс — жалкий или прекрасный, — конечно, служит вполне нормальным и зачастую наиболее желательным состоянием души для существа, желания и эмоции которого обычно двойственны и всегда конфликтуют друг с другом. Прекрасный компромисс — это компромисс, в котором противоречие между противоположными силами и импульсами, направленными друг против друга, осязаемо и живо, причем силы и импульсы сохраняют полную силу. Примером может служить стремление певца соединить в своем пении полный контроль над исполнением с полной спонтанностью выражения. Это неразрешимое противоречие ощутимо в блестящих музыкальных исполнениях и великих произведениях литературы и искусства. Но обычно наша жизнь в качестве отдельных людей или сообществ, не исполнена продолжительным и неослабным

напряжением. Мы — не шедевры в своей жизни, а жизнь сообществ — не мастер-класс. Мы ищем некоего ослабления напряжения, но вплоть до смерти не ждем полного исчезновения конфликта и напряженности в душе или в обществе. Наша жизнь ретроспективно оказывается «жалким» и неизбежным компромиссом между противоположными амбициями, а институты, существующие в государстве, обычно озабочены урегулированием некоторых прошлых конфликтов, ныне, возможно, уже забытых вместе с тем, что вызывало тогда моральное возмущение.

Ни в социальном порядке, ни в опыте индивида состояние конфликта не является признаком порочности или плохой работы. Его нельзя считать отклонением от нормального состояния общества или государства или отклонением от нормального опыта отдельного человека. Такие моральные выводы о нормальности конфликта, такие гераклитовские истины требуют своеобразного морального преобразования, нового взгляда на все добродетели, включая добродетель справедливости. Нам нужно повернуть зеркало теории так, чтобы мы увидели себя такими, какие мы есть и какими мы всегда были.

Немногие современные моральные философы говорили о неизбежности существования множества различных и несовместимых концепций блага и невозможности одной всеобъемлющей и последовательной теории человеческой добродетели: к примеру, Исайя Берлин высказал эту мысль в своем эссе о Макиавелли², который настаивал на несовместимости христианской невинности с политическим преуспеванием и безопасностью. Но мой девиз здесь — «всякое определение — отрицание» — выражает более сильный тезис: превосходство негативного. Самые влиятельные концепции блага всегда определялись через неприятие своих соперников: например, некоторые идеалы монашества возникли вследствие неприятия блеска и иерархии церкви, и это неприятие составляло основной смысл и цель монашеского идеала. Некоторые формы фундаментализма — христианские и иные — определяют себя через принципиальное неприятие светской и либеральной морали вседозволенности. Фундаментализм — это неприятие всякого отклонения от морального мнения и само понятие мнения в этике.

Суть либеральной морали состоит в неприятии всякого окончательного и исключительного авторитета — естественного или сверхъестественного — и сопутствующих ему принуждения и цензуры. В этом контексте сама свобода понимается и культивируется как негативное понятие: нет стенам догмы, нет бесспорным правилам от священников и политиков; будущее должно быть открытым полем эксперимен-

² Имеется в виду эссе Исайи Берлина «Оригинальность Макиавелли», переведенное и на русский язык. См.: Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002. (Прим. ред.).

тов. Открытость — это негативное и потому неопределенное понятие. У противников либералов эти негативность, открытость и пустота, неопределенность ненаправленной жизни вызывают недовольство или раздражение. Отсюда вытекающий конфликт абсолютен и зачастую горек. Только в сообществах, которые достигли расцвета до появления современных коммуникаций, граждане могли быть незнакомы с системами рефлексивных моральных убеждений, которые показались бы им одиозными. Теперь они могут разумно, признавая конфронтацию, соединяться в ранжировании политических действий, умелом управлении конфликтами, как наивысшим из всех человеческих умений. Из того, что процедурная справедливость определяется универсальным принципом — принципом рациональности — не вытекает того, что она должна превосходить все остальные моральные соображения в сознании каждого. Люди, как правило, согласны с тем, что в некоторых исключительных обстоятельствах соображения процедурной справедливости и рациональности должны быть отвергнуты во имя некоторой другой важной ценности, которая доминирует в их этике, вроде недопущения широкой нужды или сохранения жизни.

Во всех современных обществах обычно существует хаос мнений и моральных установок. Разумный человек знает о существовании этого хаоса, и люди с прочными мнениями или фанатичными сердцами сожалеют о хаосе и стремятся к согласию: обычно к согласию, при котором доминируют их собственные взгляды и установки. Будучи убежденным социалистом, я считаю существование бедности наряду с огромным богатством большим и ненужным злом и сущностной несправедливостью, и я считаю неизбежной продолжительную политическую борьбу с теми, концепции блага и идеи честности которых несовместимы с моими. Это область политики в собственном смысле слова. На одном краю находится отработанная риторика консервативной мысли, на другом — риторика радикальной реформы и перераспределения.

Во многих важных отношениях метаэтическая теория, которой придерживаюсь я, близка к юмовской: мнения о сущностной справедливости и другие добродетели проистекают из естественных и распространенных человеческих чувств (и объясняются ими) и существенно различаются вместе с обычаями и социальными историями. Но в классическом духе Юм все еще считал, что человечество идет к согласию в своих моральных чувствах. Отвергнув притязания разума на обеспечение общего согласия в морали, он вновь ввел цепь гармонии и согласия при помощи идеи относительно неизменной человеческой природы, управляющей нашими чувствами и симпатиями. Я утверждаю, что разнообразие и спорность языков, культур и местных привязанностей является не поверхностной, а важной и глубокой чертой человеческой природы — неизбежной и желательной — и укорененной в нашем различном воображении и памяти. Более важно то, что на-

ши глубокие чувства исключительны и немедленно ведут к соперничеству и конфликту, потому что наши воспоминания, а с ними и наше воображение сосредоточены на особых людях, особых унаследованных языках, особых местах, особых социальных группах, особых ритуалах и религиях и особых модуляциях голоса; схожим образом сосредоточены и наши сильные привязанности. Мы хотим служить и укреплять особые институты, которые защищают нас, а также расширять их власть и влияние за счет соперников.

Эта философия конфликта может быть развита в метафизическом ключе. Индивидуальность всякой активной вещи зависит от ее способности сопротивляться вторжению и господству активных вещей вокруг нее. Этот метафизический принцип, по мысли Спинозы, должен применяться ко всем вещам в естественном порядке и, следовательно, ко всем людям и узнаваемым группам в порядке гражданском. Люди обычно сопротивляются всякой внешней силе, которая стремится подавить их обычные действия или ограничить их свободу. Это касается индивидов, семей, социальных классов, религиозных групп, этнических групп, наций. Таков порядок природы. Все эти различные единицы, борющиеся — сознательно или нет — за сохранение своего индивидуального характера и своих особенных качеств от вторжения и поглощения другими вещами в их окружении. Принимая во внимание такую картину естественного порядка, разнообразие, а не сходство, является не моральным предписанием, как полагал Милль, а одной из многих возможностей. Каждый стремится сохранить свое своеобразие, куда есть силы, и потому всегда следует ожидать конфликтов в истории индивидов, социальных групп и наций, когда их пути пересекаются. Внутри и вокруг гражданского порядка нет конца конфликтам.

Это метафизическое видение, спекуляция. Картина Спинозы — это картина неизбежных конфликтов интересов в стремлении выжить. Но она также вполне применима к конфликтам между концепциями блага, с которыми люди рьяно себя отождествляют. Свидетельства личного опыта и политической истории подтверждают такую картину. Каждый человек признает исключительность многих своих эмоций, которые заставляют его отгонять другие эмоции и интересы, которые в свою очередь также предъявляют требования к нему. Обычное состояние человека с сильными и глубокими чувствами похоже на состояние Леонтия, с которого я начал.

В контексте международных отношений кажется очевидным, что человеческому роду вряд ли удастся долго протянуть, если не будут развиты и приняты честные процедуры ведения переговоров и достижения договоренностей в урегулировании международных конфликтов, грозящих войной. Моя идея состоит в создании институтов и признании того, что процедуры важнее декларирования общих принципов и что институты приобретают уважение в основном благодаря их повседневному использованию и постепенному знакомству с ними. Воз-

можно, своеобразное прецедентное право разовьется в ходе переговоров о разоружении, а через него грубое ощущение честности в разрешении конфликтов — не совершенной честности, а несовершенной честности, способной возникнуть из процедур, которые сами по себе являются компромиссами. На большее вряд ли можно рассчитывать.

Рациональность — благоразумная и моральная — как общее человеческое свойство или потенциальная возможность обычно проявляется в справедливом и честном взвешивании аргументов и контраргументов в разного рода конфликтах. Каждая отдельная личность использует процедуры для того, чтобы разрешить конфликт противоположных стремлений и побуждений в своей душе: то же относится к политическим конфликтам и их разрешению.

На политической арене я буду отстаивать те институты, которые способствуют осуществлению моей концепции блага и которые защищают мою концепцию сущностной справедливости от ее противников. Я требую от своих моральных противников того же, чего я требую от себя: чтобы противоположные представления о том, что является справедливым и честным, были заслушаны на равных и были одинаково доступны в государстве, а также чтобы ни одна концепция сущностной справедливости не была навязана в обществе силой или угрозой силы. Но что делать, когда соперничающая концепция блага не оставляет места для процедурной справедливости и не считает честность в урегулировании споров добродетелью? Это тупик, в котором обычно оказывается либеральная и неавторитарная мораль: если специфическая концепция блага не содержит в себе добродетели соблюдения честности в процедуре и рациональности в этом процедурном смысле, то откуда эта независимая и обязательная добродетель черпает свой авторитет и оправдание?

Эти авторитет и оправдание содержатся в самой структуре практического разума. Это своего рода трансцендентальный аргумент. В стремлении к своей концепции каждый взвешивает за и против в своем сознании блага, а также благоразумие в стремлении удовлетворить собственные интересы.

Наши различные концепции блага проходят, в конце концов, проверку на последовательность со стороны нашего восприятия и воображения, которые, в свою очередь, определяют наши чувства. В христианскую эпоху мы сами вводили себя в заблуждение, позволяя воображению двигаться в противоположных направлениях. Первый путь — путь монотеистов, одного Бога, создателя и судьи. Очевидно, что если есть один Бог, то есть только одна мораль — его закон, а потому плюрализм ложен. Другой путь — проложенный Геродотом: историческое сознание, упивающееся многообразием образов жизни и их воображением. Он восходит к языческому политеизму, который мог почитать множество богов-покровителей, занимающих свое особое место. Святость и почтение были рассеянными, а различие между

афинянами и спартанцами в их идеалах человека считалось достоинством тех и других.

Оглядываясь на Геродота и Платона, а также на экономические системы рабовладения древнего мира, нас неизбежно поражают моральные различия между той эпохой и нашей в том, что касается пренебрежительного отношения к более широким идентичностям. Неизменным остается кошмар человеческой жизни, дикое и очевидное зло, которое едва изменяется от культуры к культуре или от эпохи к эпохе: резня, голод, заключение, пытки, смерть и ранения на войне, тирания и унижение, — все, что содержится в вечерних и утренних новостях. Независимо от различий в концепциях блага, это исходное зло остается постоянным и бесспорным — и это зло, которого нужно избегать любой или почти любой ценой. Этому противостоит общая повседневная рациональность, сила аргумента (могут сказать, что это слабая защита, и именно поэтому я пессимист).

Можно только надеяться, что сфера политического действия постепенно расширится и все большее зло, вроде голода и бедности, переместится из рубрики «естественные бедствия» в рубрику под заголовком «политические провалы». Это регулярно происходило в прошлом, например, в случае с рабством и подчинением женщин, и это может снова произойти с голодом и бедностью. Вечный конфликт между консервативной мыслью во всех ее вариантах и амбициями реформаторов, социалистов и либералов, в конечном счете, вытекает из этого источника: следует ли нам постоянно поддерживать сознание политических возможностей или же мы должны принять ограничения политической деятельности, которые до сих пор существовали в нашей истории? Во всякую эпоху риторика свободы выказывает гордость человеческой деятельностью, даже если это всего лишь деятельность «государя» эпохи Возрождения: противоположная риторика консерватизма выказывает гордость стабильностью и преемственностью социальных практик и старых форм жизни. Во всяком конкретном конфликте ценностей такое противостояние приобретает оттенок реальной враждебности и глубоких чувств из-за того, что на кону стоят несовместимые концепции блага. Несовместимые концепции зла были бы более реалистичным обозначением несовместимых моральных ценностей, потому что моральная точка зрения или теория обычно лучше всего определяются своими исключениями и запретами.

Наряду с конфликтующими моральными традициями в одном обществе в общих институтах может одновременно существовать общая политическая культура. Те, кто действуют в различных институтах, преследуя свои особые цели, естественным образом начинают разделять определенные профессиональные взгляды и привычки и приобретать общую профессиональную этику. В политической философии часто используется слово «сообщество». Я думаю, что в современ-

ном мире истинные сообщества следует искать в профессиях и общих устремлениях, в сообществах людей, которые работают вместе. Большинство юристов, большинство актеров, большинство солдат и матросов, большинство спортсменов, большинство врачей и большинство дипломатов ощущают определенную солидарность, сталкиваясь с остальными, и, при всех различиях между ними, имеют общую мораль в своей работе и образуют своеобразную моральную общность. То же относится к политикам в демократических или полудемократических государствах, которые порождают кадры профессиональных политиков, признающих, при всей враждебности между ними, схожие обычаи и привычки. Нет ничего ненормального в том, что моральные противоречия воспринимаются столь остро: можно не любить целый класс людей за их кажущееся безразличие к социальной справедливости и к простой честности, какими их понимают, и в то же время разделять с ними общую политическую культуру и уважение к процедурам, которые справляются с этой враждебностью. Люди непоследовательны в своих эмоциях, своих привязанностях и враждебностях, если исходить из некой простой модели последовательности. Это положительная сторона двойственности и двусмысленности чувств.

Участие во всевозможных спорах естественно для нас и является важной составляющей нашего повседневного опыта. Предвижу возражение, что я излагаю процедурную справедливость только как английскую идею честной игры с пониманием политики по образцу игры. Этот возражение нечестно и неисторично. Идея честного спора восходит к далекому прошлому и имеет корни в дохристианской эпохе, особенно в классических языческих культурах. Необходимо отказаться от непротиворечивой модели человеческого сознания и врожденной борьбы с чувствами. Уважение к процессу как привычка может сосуществовать с неприятием результата процесса, особенно в демократических государствах.

Мое представление об обоих видах справедливости полностью совместимо с демократией, при которой выбирается одно правительство из нескольких. Демократию обычно считают формой правления, которая гарантирует максимально полное и честное представительство всех граждан государства. Из этого следует, что чем более демократично государство в этом отношении, тем лучше, так как наиболее популярная, пользующаяся наибольшей поддержкой политика должна преобладать. Это сущностное моральное заявление может подкрепляться некой теорией свободы или естественного права. Но я не вижу причин соглашаться с этим утверждением. Когда большинство, следуя естественной склонности, отстаивает неверную политику — скажем, в наказании за преступления, в отношении к этническим меньшинствам, в иммиграционной политике, во внешней политике и так далее, — то, в соответствии с моей концепцией блага, популярность этой политики не может смягчить заблуждения и зло.

Скорее, ценность демократической конституции состоит в защите меньшинств, а не большинства. Необходимо гарантировать, во имя справедливости, чтобы меньшинства могли быть услышаны и чтобы они могли играть свою роль в процессе. Я и мои политические союзники неизбежно будем оказываться среди проигравших. Если при демократии мы будем способны расстроить справедливо озвученную волю большинства, использование этой способности будет нечестным и несправедливым, пока мы не убедимся, что поддерживаемая многими политика несет с собой зло и разрушение и не отвечает требованиям процедурной справедливости. В противном случае мы будем жалко следовать демократическим правилам в надежде, что наши противники будут обладать столь же сильным и глубоким чувством рациональности и справедливыми процедурами, когда нам доведется победить, а им — проиграть.

Конфликт вечен: так зачем нам заниматься самообманом?

Перевод с английского Артема Смирнова